

Книги Алексея Пехова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ**

Цикл
«ХРОНИКИ СИАЛЫ»
**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

Цикл «СТРАЖ»
**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ
ПРОКЛЯТЫЙ ГОРН**

Цикл «СОЗЕРЦАТЕЛЬ»
**СОЗЕРЦАТЕЛЬ
ТЕНЬ ИНГЕНИУМА**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

ШАНС

Цикл «ЗАКЛИНАТЕЛИ»
**ЗАКЛИНАТЕЛИ
ЛОВУШКА ДЛЯ ДУХА**

Цикл «МАСТЕР СНОВ»
**МАСТЕР СНОВ
СОЗДАТЕЛЬ КОШМАРОВ
ЭРИНЕРЫ ГИПНОСА**

Цикл «ВЕТЕР И ИСКРЫ»
**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЫНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

Цикл «СИНЕЕ ПЛАМЯ»
**ЛЕТОС
СИНЕЕ ПЛАМЯ
ТАЛОРИС
БЕЛЫЙ ОГОНЬ
ТКУЩИЕ МРАК**

Цикл «КИНДРЭТ»
**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЬЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

В соавторстве с Андреем Егоровым
ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

Глава первая

ВЕРНОСТЬ

Верность — вещь распространенная. Ее можно найти в любой части Единого королевства, в любом городе и даже на дороге. Каждый верен чему-то очень важному и значимому, ведь такая верность ничего не стоит, потому что она — пустые слова.

Скажу, возможно, вещь крамольную, но верность утратила свое истинное значение еще в ту пору, когда Шестеро предали асторэ. Да простит меня Храм, которому я всецело предан, и Госпожа, что основала его, но какие бы добрые помыслы ни были у Шестерых, слово они нарушили. Ибо людям свойственно нарушать слово.

Верность же настоящая — товар штучный и встречается куда реже асторэ, которых в наши времена порой даже таувины не находят за всю свою жизнь.

Изгнанник из Храма Мири

Когда Захира да Монтаг в первый раз увидела горы, то едва не заплакала от той безысходности, что охватила ее. Она, дочь Феннефат — Великой пустыни, рожденная в жаркий сезон, среди желтых песков и алых утесов, знавшая о холоде ночи и зное полудня, видевшая зеленые сердца оазисов и розовые волны фламинго, ощущала полное бессилие в этом суровом краю.

Никакого пространства. Никакого горизонта. Узкие долины с бесконечными, ревущими, точно демоны, реками, несущимися со скоростью обезумевшей лошади. Отвесные стены камня, уходящие далеко вверх, теряющиеся в низких, проливающих дождем облаках. Когда облака расходились, то открывались ослепительные зубья пиков, острых, белых, безучастных ко всем живым.

Ей было страшно задирать голову, видеть вершины, потому что все здесь было слишком другим. Чуждым. Чудовищным. Из мрачных темных сказок кормилицы, повествующих о дремучих еловых лесах и существах, что живут под кронами странных деревьев, так не похожих на финиковые пальмы.

А еще в краю ее будущего неизвестного мужа властвовал холод. Непреходящий, осторожный, незаметный и дикий.

Проникающий под теплую одежду так, как убийца пробирается в дом к своей жертве.

Люди тоже были другими. Высокими, широкоплечими, светлоглазыми, часто заросшими бородами. Ценившие мех, шерсть и сталь, а не шелк, хлопок и прекрасный серффо. Молчаливые, хмурые, они встречали и провожали процессию невесты, не издавая ни звука. В Карифе все бы кричали, махали яркими платками, кидали под копыта ее лошади цветы и спелые абрикосы. Здесь же люди были словно камни. Безучастные.

Потом, много времени спустя, она поняла, что ошибалась и подданные Горного герцогства отнюдь не камни, просто всегда настрожены к тем, кого считают чужаками.

Холод людей, ее будущих подданных, холод природы, высасывающий тепло из тела, не привыкшего к такой погоде, холод воды...

Вода...

Вода смущала почти так же, как горы. По сравнению с пустыней ее оказалось необычайно много.

Даже после путешествия через море.

Она лилась бурными реками, прыгая на перекатах, затаскивая в жадную пасть любого, кто оказался неосторожен, чтобы сорваться и упасть в нее. Собиралась зеркалами бездонных озер, отражавших снежные шапки, бледно-карминовые на морозном рассвете и кроваво-алые во время кратковременного пожара заката. Скрывала белым туманом землю, цеплялась им же за верхушки мрачных елей, а затем превращалась в свинцовые тучи, которые порой на дни закрывали лазурь небес.

Вода моросила, лилась, секла, прижимала, вызывала камнепады, сели и оползни. Сочилась из-под густого мха, капала с широких листьев, созревала каждое утро алмазной росой на высокой траве.

Там, наверху, превращалась в белое, в снег. Захира в первый раз увидела его меньше полутора недель назад, проезжая через величественные Драбатские Врата, за которыми начинались настоящие горы.

Вода сползала вниз неповоротливыми ледниками, грязно-серыми, серо-белыми и серо-голубыми, разрезая горы и перекрывая долины.

Падала с гранитных козырьков гремящими потоками, украшая скалы, словно фата украшает невесту. И Захира, глядя на эти потоки, и подумать не могла, что через несколько дней увидит отца всех водопадов, величайший Брюлленде-фоссен.

А пока она поражалась иному. Тому, что воду здесь никто не ценил, не благодарил за нее Шестерых, не копал глубокие колодцы, молясь, чтобы она появилась на дне, не создавал каменные хранилища, чтобы удержать ее.

И не страдал от жажды, когда влага внезапно исчезала.

Не умирал.

Воду здесь воспринимали как должное. А порой как проклятье, когда она пропитывала одежду, шатры, лошадиные шкуры и превращала землю в грязное месиво.

Чужой край. Чужая страна. Чужая погода, природа, люди, еда, обычаи и правила.

Чужой человек, владетель этого места, с которым девушка должна связать свою кровь, постель, жизнь.

Очень хотелось сбежать, но она была дочерью любящего отца, сестрой мудрого брата и внучкой величайшего правителя Карифа. Ее семья дала слово, и она не собиралась его нарушать, позоря и предков, и потомков. Ибо когда члены правящей семьи совершают недостойные поступки, тень их дел падает на всю семью, омрачая прошлые заслуги и затмевая будущие.

Именно так Захиру учили в Эльвате, и ей не приходило в голову ослушаться. Ее дед, Стилет Пустыни, говорил: «Правитель получает многие блага, но и идет на многие жертвы, ибо такова его дорога в мире Шестерых». А благородная карифка хотела быть достойной внучкой.

Потом, оказавшись в Шаруде, она увидела великий водопад, четыре самых высоких пика этой части мира и... владельца сурового края. Возможно, странно было ставить воду, горы и человека в один ряд, но каждый из них поражал ее чем-то своим.

Будущий муж казался таким же странным, загадочным, суровым и чуждым, как все, что окружало южанку.

Затем была свадьба, пир на несколько дней, грандиозное празднество, когда к ее ногам бросали нежные эдельвейсы, слава молодоженов.

Она помнила момент, как мальчишка прошел по натянутому тросу над водопадом, повторив то, что сделал некогда Тион.

— У него не выйдет, — сказал ей Дэйт, близкий друг мужа. Тогда еще молодой, без седины в бороде. — Никто не смог пройти по канату над пропастью целую тысячу лет.

Захира смотрела, как циркач бросил бездне вызов, и загадала, что если он преодолеет весь путь, то это знак для нее. Сами Шестеро улыбнутся ей, обещая, что холодная неприветливая страна станет для нее надежным домом, а семья получится счастливой.

На последних шагах канатоходца из-за облаков брызнули солнечные лучи, упали на снежные вершины и отразились от вечных ледников, слепя зрителей.

А потом раздались ликующие крики со всех сторон, на мгновение заглушившие даже рев великого водопада. Ей тоже хотелось кричать вместе со всеми, но положение обязывало проявлять сдержанность, так что Захира ликовала в душе.

Шестеро с ней! Они слышат ее молитвы, и все будет хорошо!

Карифка отправила к канатоходцу личную служанку с кошельком марок и стальной брошью в виде грифа, знаком благосклонности теперь уже герцогини Горного герцогства, и помнила тот день, когда гости разъезжались со свадьбы. Яркое солнце золотило вершины вокруг Шаруда — Зубец Тиона, Гребень Арилы, Нейси и двугорбую Печать Таувинов.

— Золотой день, ваша светлость, — негромко прошептал Тэлмо, первый советник мужа. — Молю Шестерых, чтобы все дни вашей семьи были такими.

Она знала, что так и будет.

И так было.

Трое сыновей. Влияние. Уважение. Муж, который прислушивался к ее ненавязчивому мнению. Крепкий трон. Сильная страна. Будущее.

Все это разрушилось в один миг, когда на свечах вспыхнул синий огонь, и двое ее детей не пережили ту страшную ночь.

Она не сошла с ума лишь благодаря своей воле. И надежде, что принесла Рукавичка. Но и этой надежде не было суждено сбыться, и теперь Захира осталась ни с чем.

Золотые дни прошли, их не вернуть, а счастье (нет, не счастье, призрачная уверенность!) было позаимствовано лишь

на краткий срок. То, что она загадала, когда циркач совершил чудо, не исполнилось. Шестеро, от которых она отреклась ради Вэйрэна, отвернулись от нее.

Чего еще было ожидать?

В итоге вся ее жизнь, ее будущее оказались разбиты вдребзги. Разлетелись на тысячи мелких осколков, изранивших душу. Детей больше нет. Муж убит. Государство рассыпалось на глазах, расколосось на мелкие баронства, грызущиеся между собой за веру, пытающиеся выжить в мире синего пламени.

Она не знала, кто виноват.

Ее желание защитить то, что смогло уцелеть? Ее недавность и наивность, которой воспользовались шаутты, проникшие в самое сердце страны и сковавшие из нее нечто темное, абсолютно чужое? Тэлмо, который растерял всю свою легендарную мудрость и не увидел опасности? Верный Дэйт, неспособный защитить того, кому дал клятву? Золотые карпы, что не спасли сына, хотя получали жалованье полновесными марками? Слишком многие совершили ошибки.

Но... она винила акробата. Понимала, что это глупо, с таким же успехом можно было упрекать во всех бедах первого встречного, но ничего не могла с собой поделать. Ей требовался хоть кто-то, чтобы проклинать его, и для этого как нельзя лучше годился циркач, имени которого она не помнила, чей облик давно поблек так, что Захира не узнала бы его, если бы встретила. Но очень хотела встретить и убить. За то, чего он не сделал: чтобы хоть как-то выместить свое бессилие и отчаяние. Потому что герцогиня связала с ним столько надежд, которые спустя годы совершенно не оправдались.

Женщина, думая обо всем этом, стояла в тонком шерстяном платье возле распахнутого окна, не обращая внимания на холод, тянущийся с улицы. Он сочился с ледника, вползал в быстро остывающую комнату, где не разожгли очаг, и мертвенный синий свет десятка свечей, которые с уходом солнца разгорались все ярче, делал обстановку еще более уютной.

С Гребня Арилы уже сошел алый отблеск, ледники стали темно-фиолетовыми и собирались посереть, встречая ночь.

Она в горах была такой же внезапной, как в пустыне. Лишь это объединяло Горное герцогство и Кариф.

Сумерки когтями цеплялись за острые пики, а вот внизу, под герцогским замком, в долине, сизый свет померк, сменившись крошечным мраком, который распустился сапфирами городских огней Шаруда. Сотнями маленьких, морозных, мертвых синих глаз неведомых хищников.

Еще несколько месяцев назад Захиру пробиравал ужас от этого зрелища. Город, ставший родным, превратился в злоеющего чужака. Синее пламя, сперва внушавшее ей спокойствие, теперь вызывало лишь ненависть в пустой душе.

Ненависть к той стороне, что смотрела на нее из городских кварталов.

«Их все больше с каждым днем, — подумала герцогиня, сжав кулаки. — Ночами они горят в каждом городе Западных долин, на фермах в самых дальних ущельях, в сторожевых башнях на перевалах и в баронских замках».

Вместе с холодом начала ночи в окно проникали и звуки: рокот водопада, сейчас казавшийся нечетким, размытым и приглушенным, словно его укрыли большой подушкой, и... стук молотков.

Строительные молотки теперь стучали безостановочно. Водяные пилы, способные резать камень, визгливо подпевали им. В светлое время суток снизу, из города, по одной из двух дорог, ведущих к замку, волы и лошади-тяжеловозы тянули на укрепленных подводах массивные блоки, вырубленные из тел гор. По приказу молодого герцога каменщики, архитекторы, кровельщики, строители, приглашенные (а также согнанные) со всей страны, восстанавливали башни Калав-им-тарк, разрушенные после боя Тиона с шаутами.

Она наблюдала за строительством неделя за неделей, видя, как выправляются оплавленные стены, скрываются трещины, вырубается деревья, растущие между кладкой и на балконах. Как тянутся шпили к звездам, становясь все выше и выше. Она слышала разговоры, люди радуются, восторгаются этой хищной красотой. Каждая башня словно сложена из сотен черных лезвий, переплетенных между собой. Горы вновь увидели облик старины, который помнил Вэйрэн, а теперь вернула Рукавичка.

Захира не испытывала никакого восхищения. Лишь страх, и потому не могла смотреть на бывший оплот шауттов долго, отводила глаза, ощущая, как холодеет у нее где-то в груди, как пот течет между лопатками и мурашки бегут по рукам.

О, сколько бы она дала, чтобы их разрушили вновь! Жаль, что Тион, спасая сестер, не довел дело до конца.

Так она смотрела пару часов, не шевелясь. В ее покои несколько раз заходили. Сперва стражники, затем служанка, интересовавшаяся, нужно ли что-то госпоже. Не дождавшись ответа, женщина из новых нанятых принесла на подносе ужин и ушла.

Но ужин давно уже остыл, а Захира не была голодна.

Наступила ночь.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли две ее фрейлины: Иорнада и Мэгг. Похожие друг на друга как сестры — статные, сероглазые и крепкие. Типичные уроженки Горного герцогства.

Вопреки правилам двора, диктующим жене владельца брать в услужение девушек первых кровей, Захира сразу после свадьбы ввела свои порядки, и муж (в отличие от Тэлмо) не стал возражать.

Большинство фрейлин приехали вместе с ней из Карифа, она хорошо их знала, многих с самого детства, по Женскому Углу. Она могла им доверять, с ними было комфортно, удобно, привычно, и лишь несколько дам из Шаруда удостоились чести встать подле. Муж советовал бросить кость псам, чтобы у тех не появилось повода рычать, и она сделала это.

После почти все те, кто числился в ее свите, погибли, когда пришли шаутты. Иорнада и Мэгг — из немногих, кто выжил. Она приблизила их к себе, когда стала герцогиней, опять нарушив устои и приняв под свое покровительство девушек из столь худосочных и жалких родов, что выглядело это насмешкой над другими, в первую очередь над кузеном его светлости, вечным претендентом на Львиный трон, который пытался ввести в Шаруд одну из дочерей.

Шпионить, без сомнения.

Герцогиня предпочла взять вместо одной богатой двух бедных. Из семей тех баронов, что спят под одной крышей с овцами, носят на плечах дедовскую кольчугу и не гнушаются, несмотря на благородную кровь, братья за плуг вместе с простым людом.

Когда Тэлмо спросил, почему она предпочла их, то Захира ответила первому советнику старой поговоркой Горного герцогства: «Чертополох сильнее большинства роз».

Иорнада и Мэгт были этим самым чертополохом — диким, колючим, неприхотливым. Душой горных скалистых пустошей.

Захира помнила, как они пришли к ней, чуть напуганные и ошеломленные приглашением герцогини. В своих лучших, ужасно бедных грубоотканых платьях, с серебряными, спешно начищенными браслетами, поясами и серьгами, украшенными мелкой бирюзой. Сокровища женщин их родов, переходящие от бабок к внучкам со времен, когда люди перестали думать о выживании после Катаклизма.

— Многие из тех уважаемых юных женщин, кто сейчас ждет моей милости внизу, хотели бы оказаться на вашем месте, — сказала им Захира. — Богаче вас. Именитее. Влиятельнее и опытнее.

— Но они там, а мы здесь, ваша светлость. — Мэгт и в то время была достаточно дерзка, даже если боялась.

— Это может закончиться так же, как и началось, — с легким смешком ответила герцогиня, передавая первенца на руки няньке. — Я способна дать вам многое, Мэгт да Макланд и Иорнада да Нат. Весь вопрос, что такого можете предложить мне вы?

— Верность, моя госпожа, — мгновенно, без колебаний произнесла Иорнада красивым чувственным голосом, и Мэгт поспешно кивнула, а затем посмотрела в темные глаза карифки и кивнула еще раз. Так, чтобы стало понятно: она знает, что обещает и отдает. — Клянусь в этом кровью всех моих предков. Мы, может, и небогаты, но никто не назовет нас лжецами. Да Наты и да Макланды ведут свой род от Думгала Пьющего, что возглавил авангард войска Тиона в битве у Колесовых вод. Там, где сейчас от великих гор остались лишь крошки. Сам Войс отмечал его доблесть и его верность слову. Пусть мы теперь бедны, но слово потомков Думгала так же крепко, как и прежде. Ведь это единственное, что мы смогли сохранить и чем мы гордимся. Вы получите нашу верность до конца дней этого мира.

Ей понравилась цена, которую горянки готовы были заплатить. В конце концов, верность довольно редкий товар, особенно если он не подделка.

И, как смогла убедиться Захира спустя годы, товар оказался качественным.

Они служили, она платила им, вытаскивая обедневшие роды из грязи. Медленно и незаметно. Помогла их братьям, обеспечила достойную старость отцам и матерям, нашла выгодные браки для фрейлин, ставших баронессами.

Их жизнь шла хорошо, пока они, как и Захира, не потеряли все. Дети, чуть старше Эрего, сгинули где-то в Скалзе со многими из тех, кто выехал туда из Шаруда. Мужья погибли вместе с ее мужем.

— Готово, ваша светлость. — Иорнада затягивала завязки на лифе платья. — Мальчики каменеют, стоит лишь показать им грудь. Мэгг справилась легко.

Мэгг тщательно вытерла окровавленные руки о дорожную штору, а после рук — клинок длинного узкого кинжала, который, как знала Захира, фрейлине подарил супруг на свадьбу по обычаям Западных долин.

Думая об этом, герцогиня коснулась широкого кольца на большом пальце левой руки. То, что оно все еще с ней, дарило ей уверенность в выборе. Свободе, которая всегда рядом, стоит лишь захотеть.

— Тогда не будем мешкать.

Захира, подхватив теплый серый плащ, направилась к двери. Две ее фрейлины, накинув на плечи точно такие же плащи, лежавшие на низкой табуреточке, пристроились позади. Наконец-то спустя почти три месяца она покинула свои комнаты... свою тюрьму, если быть более точной в формулировках.

Зал с камином, в котором плясало ненавистное синее пламя, пах смертью.

Двое ее нынешних сторожей в одеждах с вышитым знаком Вэйрэна — водоворотом — лежали на каменных плитах. Один уже не дышал, его куртка и штаны медленно пропитывались темной кровью, другой изо всех сил цеплялся за жизнь, пытаясь липкими скользкими пальцами зажать не такую уж и большую рану на шее.

Он то всхлипывал, то булькал и, заметив движение, скопил глаза в сторону герцогини. Она знала его. Один из тех мальчишек, кто некогда сторожил ее покой, как и другие молодые дворяне, пытаясь заслужить милость владетеля и внимание да Монтагов.

Вновь Захира подумала, как быстро все изменилось. Страж превратился в тюремщика благодаря новой вере, что сводила людей с ума или делала из них чудовищ.

Она хладнокровно прошла мимо, зная, что жить ему осталось не больше нескольких минут. Что же. Нет смысла терять время на глупцов.

Лишь посмотрела на невозмутимую Мэгг. С этой стороны она ее не знала. Насмешница, острая на язык, оказалась остра не только словами. А ведь до самого последнего момента герцогиня не верила, что у фрейлины получится задуманное.

— Ловко, — оценила она.

— Отец держал свиней, моя госпожа. И я видела, как можно убить хряка так, чтобы он не разворотил своей тушей весь хлев. И делала это каждый год, пока вы не приняли нас. Людей можно убить точно так же. Просто надо знать, куда втыкать кинжал.

За последние месяцы замок сильно опустел. Многие стражники, слуги и благородные покинули его. Многие уже на той стороне. Или служат ей. Так что трех женщин встречали лишь гулкие безлюдные коридоры. А если они слышали шаги патрулей, то отступали в смежные комнаты.

Старались идти тихо и быстро, понимая, что вскоре тела воинов обнаружат. Герцогиня с досадой подумала: следовало втащить мертвецов в покои, но теперь уже поздно возвращаться назад. Да и крови на полу слишком много, чтобы легко избавиться от нее.

Не время сейчас беспокоиться о людях, когда, судя по пламени, где-то рядом рыскают совершенно иные существа. Заговорщицы рассчитывали лишь на удачу, и пока она им сопутствовала.

Прошли жилые помещения, спустились в крыло слуг. Здесь, в маленьком темном закутке, им пришлось стоять, крепко прижавшись друг к другу, считая тяжелые шаги трех стражников... прошедших мимо.

Те обсуждали войну, что все больше распространяется по Фихшейзу, и победы молодого герцога. А еще то, что они здесь, а не вместе с другими, на полях сражений. Ибо весенняя кампания выходит уж больно жаркой, несмотря на всю помощь Темного Наездника.

В кухне, печи которой еще не успели остыть, они встретили его. Эту тварь, слугу Вэйрэна, солдата Рукавички, частичку армии асторэ, великого герцога Эрего да Монтага.

Высоченная нескладная фигура отделилась от стены, за вешанной сковородками всех форм и размеров, встала, перекрыв им путь. От нее веяло угрозой, в ней не было ничего человеческого, и Захира не могла понять, как все эти обожатели мятежного асторэ, некогда бросившего вызов Шестерым и проигравшего, не видят, что это такое.

Не добро. Отнюдь не добро.

Впрочем, поведение людей, ослепленных ложной верой, не вписывается в обычную логику. Они верят, что шаутты, стекающиеся в Шаруд, столь испуганы силой Рукавички, что готовы служить ей. Что они беспрекословно выполняют приказы той, что общается с Самим, и покарают всех врагов молодого герцога.

Когда это случилось? Когда демон, вызывавший ужас, вдруг стал считаться верным союзником?

Верным! Союзником!

— Я Захира да Монтаг, — сказала она ровным голосом, удивляясь самой себе, потому что сухой язык, казалось, приклеился к нёбу. — Мать Эрего да Монтага, твоего господина. Иду по своим делам, до которых тебе нет никакого дела. Прочь с моей дороги.

Оно наклонилось к ней, приблизив странно-уродливое лицо к ее лицу. Несколько мгновений изучало женщину, затем отодвинулось и осторожно, словно шагая по яичной скорлупе, вернулось назад к стене, растворившись в густых ночных тенях.

Когда женщины покинули кухню, Иорнада пробормотала:

— Говорила же. Они глупее людей.

Лестница вниз, замковые склады, лестница, караулка, в которой счастливо похрапывали двое неопрятных солдат (Дэйт за такое спустил бы с них шкуру), снова лестница. Череды тяжелых деревянных дверей, окованных сталью, с мощными круглыми кольцами-ручками, на которых выступила влага. Здесь факелы горели через каждые сто шагов, и их свет радовал глаза, ибо он был обычным.

Земным. Родным.

Они пошли свободнее, понимая, что шауттов поблизости нет. Захира уже не знала этот путь через подземелье, поскольку не в ее привычках было ходить так далеко от жилых частей замка, но Иорнада вела их с уверенностью человека, бывавшего здесь не раз и не два.

Коридор закончился низкой дверью. Фрейлина потянула за кольцо. Заперто. Она нахмурилась, озадаченная, и осторожно постучала. Выждала и постучала еще раз.

Нет ответа.

Мэгг прикусила губу, обернулась, глядя назад, в длинный, едва освещаемый коридор.

Нервничала. И не она одна.

Захира начала медленно считать про себя, думая о том, что неужели после стольких недель ожидания, после тщательного планирования, после того риска, которому подвергались фрейлины ради нее, все было зря? И человек, обещавший держать калитку открытой, подвел?

Какие варианты у нее есть? С бесцеремонным видом пройти через центральный вход, в конюшни, надеясь, что солдаты все еще робеют перед ней, матерью своего нового господина, который приказал заточить ее в башню? Что никто не осмелится остановить? Что там, на центральном крыльце, где над воротами висит дымчатый силуэт шаутта, он не схватит ее?

Замок противно заскрипел, так неожиданно громко, что все вздрогнули, и герцогине показалось, будто где-то вдалеке, там, где они проходили, шевельнулись и снова замерли тени. Но факелы не изменили цвет.

Просто разыгравшееся воображение, и только.

В детстве она слышала множество сказок о шауттах, представляла, как сталкивается с ними и побеждает каждого, словно легендарная Катрин Золотая Искра, лучший образец для подражания благородной девушке из Карифа. В реальности же... в реальности победить демона, если ты не таувин, почти невозможно.

Люди слишком жалкие существа, абсолютно неспособные выстоять против выходцев той стороны. Олово, дуб, козья кровь... Ты можешь его ранить, но он успеет оторвать тебе руки прежде, чем ощутит хотя бы малейший дискомфорт.

Захира боялась их. И ненавидела. Так же сильно, как и Вэйрэна. Его силу. Рукавичку. И... то, чем стал ее сын.

Его она тоже боялась и ненавидела ничуть не меньше.

Дверь мягко распахнулась, и человек, оказавшийся за ней, невзрачный толстячок в тусклом платье дворового слуги, поклонился.

— Ваша светлость. Леди. Простите за задержку. Все оказалось сложнее, чем я думал. Перед выходом сегодня стоят гвардейцы. Они едва меня не поймали. О нет! — Он отчаянно замахал пухлыми руками, когда Мэгг протянула ему расширенный жемчугом кошель, и сказал уже более твердо и решительно, перестав сутулиться, выпрямляясь: — Нет. Я помогаю не ради денег. Я верю в Шестерых, а не в эту мерзость. И служу да Монтагам.

Захира не знала того, кто согласился помочь. Никогда не видела раньше, а может, просто не замечала. Благородные отвернулись от нее. Гвардия в отсутствие Дэйта предала. А этот безымянный человечек, испуганный, но не лишенный чести — нет. Она стянула со среднего пальца тонкую золотую полоску, украшенную четырьмя некрупными бриллиантами, вложила слуге в руку. А когда он начал протестовать, ожгла его таким взглядом, что мужчина замолчал.

— Не оскорбляй свою герцогиню, добрый человек, — сказала ему Иорнада. — Это не плата, а знак благодарности.

Больше он не спорил, лишь шепнул в спины уходящим:

— Да хранят вас Шестеро.

Мэгг остановилась, повернулась к нему, обронив на прощанье:

— Уходи сегодня же. Сейчас. Завтра уже будет поздно.

Из подвала, через замаскированную дверь, они спустились еще ниже, в сердце каменного утеса, на котором уже тысячу лет встречал рассветы и провожал закаты герцогский замок.

Маленькие круглые фонари в руках беглянок выхватывали из мрака фрагменты извилистого узкого комплекса пещер, пробитого водой и совершенно не облагороженного человеком. Острые грани стен, дышащих холодом, мелкое серое крошево под ногами, ярко-зеленые «волосы» мха, свисающие с потолка, и... воду.

Она капала отовсюду, казалось, сами скалы плакали, провозжая владелицу этих земель.

Захира использовала секрет, хранящийся в семье да Монтаг многие поколения на случай бегства. Путь, которым никто из правителей или их родственников ни разу не воспользовался. И вот она первая и... последняя.

Карифка вновь поймала себя на мысли: зачем она бежит? Куда? Ради чего, если все потеряно?

Ну... хотя бы потому, что ей сохранили жизнь. Значит, у Рукавички есть на нее планы, и надо сделать все, чтобы эта слепая сука осталась ни с чем.

Не далее чем в ста метрах от них ревел водопад. За каменной стеной, но все равно прекрасно слышимый, словно они стояли прямо над ним.

Мэгг поскользнулась, больно ударилась, до мяса разодрав ладонь левой руки, но удержала фонарь, не дав стеклу разбиться, а маслу вытечь и загореться. Шипя, затянула рану снятым с шеи шарфом.

— Простите мою неловкость, госпожа.

— Прощаю. Но надеюсь, что ты не разобьешь голову. Твоя голова мне еще потребуется.

И они отправились дальше все с той же осторожностью. Лестницей из семи десятков ступеней, где следовало идти друг за другом и молиться Шестерым, чтобы не упасть. Ибо падать было далеко и долго.

Они вышли под звездное небо через узкую щель в утесе, надежно прикрытую со стороны дороги кустарником. Тут же погасили два из трех фонарей, а в последнем фитиль прикрутили так, что огонек едва выживал.

— Сюда. — Мэгг отодвинула колючие ветки пораненной рукой, обернутой тканью.

Шаруд теперь был ближе к ним, мерцая синими огнями. Голодный, хищный, затаившийся мертвый зверь. Замок находился выше, сейчас скрываясь за отрогом. На фоне звезд был виден лишь граненый фрагмент шпиля правой башни Калав-им-тарка.

Ветер стих, как часто бывало в эти часы, холод, несмотря на весну, проникал сквозь одежду, а Захира прислушивалась, не раздастся ли сверху, со стороны замка, сигнал тревоги.

Но нет. Все тихо.

Темная фигура, появившаяся на границе зрения герцогини, заставила ту вздрогнуть, прежде чем она узнала Тарика по манере двигаться. Третий из нанятых мужем золотых карпов,

ее земляк и телохранитель, поклонился, прижимая руку к сердцу, произнес на родном языке:

— Госпожа да Монтаг. Рад видеть вас в добром здравии после стольких дней.

Она тоже была рада его видеть. Мирко и Алессио мертвы, как и большинство из тех, кто оказался в Скалзе. Тарик же выжил, находясь подле нее, вернувшейся в Шаруд, пока муж отвоевывал перевалы у фихшейзцев. Чуть позже карифец уехал по ее поручению с письмом к герцогу да Монтагу, и дальнейшие события разлучили их.

Вернуться в замок золотой карп больше не смог. Да Захире это было и не нужно. К этому моменту у нее уже появились охранники иного рода, наблюдавшие за тем, чтобы вдова герцога не сбежала из-под опеки, не мешала сыну править, прославлять Вэйрэна и бороться с теми, кто упорствовал в своей вере в Шестерых.

— Мой друг, — сказала она ему на том же языке. — Ты не представляешь, как я счастлива, что мы встретились. Я до последнего часа боялась, что ты не придешь.

— Я дал клятву служить вашему мужу.

— Не сомневаюсь в твоей верности, Тарик. Я боялась лишь обстоятельств, что могли остановить даже тебя.

Золотой карп коснулся двумя пальцами рукоятки тяжелого кривого меча:

— Видят Шестеро, они пытались, но эти... обстоятельства в прошлом. Теперь мы поскачем, госпожа. На юг, через Еловый кряж.

— Так не будем мешкать.

Животные ждали недалеко от края ребристого обрыва, внизу лентой серебрилась река — Белая Гнедая, дочь Брюлендефоссена. Захира остановилась, сказав негромко:

— Лошадей всего две. Им будет тяжело везти четверых.

— Поэтому мы и не едем, ваша светлость, — сказала Мэгт после недолгого колебания. — Четверо всадников заметнее двух.

— Вы знали. — Захира едва сдерживала гнев.

Им хватило ума опустить глаза.

— Четверо заметнее. Да. Но и двое не ночная бабочка, которая пролетит неслышно. Так что перестаньте и скажите правду.

— Дело в том, ваша светлость, что мы не смогли договориться.

Захира была неприятно удивлена.

— Ты же говорила, что все устроено. Что нас пропустят через бастион Капель на Эшанданский тракт.

— Да, — признала Мэгг. — Все так и было до последнего дня. Но вчера они повысили цену за проход каждого человека, и хватило лишь на двоих.

Герцогиня хотела возмутиться. Хватило денег на двоих! Она отдала почти все, что было. Все драгоценности, кроме тех, что оставались на руках. Сотню марок! Ее фрейлины внесли не меньшую плату, отдав имеющееся, и этого безумного состояния хватает только на нее и Тарика?!

Ее страна скатилась в пропасть, а тысячи некогда нормальных людей сошли с ума. От страха, жадности, религиозного рвения, желания причинить кому-то боль. Незыблемые законы Горного герцогства стерлись, а то и вовсе исчезли. Теперь многие и судьи, и палачи, и... преступники.

Она ощутила полное бессилие. Абсолютное. А вместе с бессилием в ней начала пробуждаться ярость, так свойственная ее предкам.

— Вы не вернетесь назад! С вас, тех, кому, в отличие от меня, оставили свободу, спросят за мой побег. И вы знаете, как спросят.

— Знаем, ваша светлость, — спокойно ответила Иорнада. — Но что это меняет? Вы должны покинуть Шаруд, добраться до Эшандана, родового города вашего мужа. Верные люди еще контролируют эту долину, старые замки не взяты. Там надежное убежище. Мы сделали то, что должно.

— Должно? — Захира чувствовала, как ее накрывает кровавая пелена ярости. Той ярости, что когда-то захватила ее деда, приказавшего вырезать сопротивлявшийся его воле Эль-Ас. Не на женщин, а на тех, кто разваливает страну. — Вы заплатите за мою свободу своей жизнью.

— Жизнь, когда за ней ничего нет, менее важна, чем слово, которое мы когда-то вам дали, моя госпожа. Жизнь скоротечна, а честь семьи — длится поколениями. Не хочу, чтобы племянники, их дети, внуки и правнуки плевались, слыша мое имя. Не хочу, чтобы честные люди Западных долин отворачивались, видя кого-то из потомков Думгала Пьющего.

— Я ценю вашу верность, — нетерпеливо сказала герцогиня. — Но... нет. Вы отправитесь с нами. Даже если Тарику придется вас связать и насильно усадить в седло. Поедем парами. Я рискну.

— Наши жизни не стоят вашей. — Мэгг взяла Иорнаду за руку, их пальцы переплелись. — Две лошади пойдут слишком медленно. Нас быстро догонят, вы не доберетесь до бастиона Капель даже к середине дня, в итоге пропадем не только мы, но и вы. Кроме того, четверо не пройдут.

— Пройдут. На мне еще достаточно драгоценностей, чтобы купить всех солдат, даже если они жадны, как Тион до любви Арилы. Хватит разговоров и споров. Тарик. Помогите им.

Карифец, все это время спокойно слушавший разговор, сделал шаг в их сторону.

— У вас все получится, ваша светлость, — с печальной улыбкой сказала Мэгг. — Должно получиться.

— Верность обязывает, — произнесла Иорнада и резко шагнула назад, увлекая следом за собой и подругу.

В пропасть. В белую бурлящую реку.

Они обогнули предместья Шаруда с запада, почти сразу же направившись к лугам, по старой дороге, мимо спящих ферм, лесопилок, овчарен и каменистых склонов, заросших густым ельником.

Места, несмотря на близость столицы, стали опасными. Шалили разбойники, коих здесь отродясь не бывало. Но путникам повезло, и до бастиона Капель, стоявшего на южном отроге Нейси, называемом Еловым кряжем, они добрались за час до рассвета.

Не самый популярный путь через три хребта, в плодородную долину Эшандана, давно потерявший свою актуальность после постройки нового тракта по приказу прадеда Кивела да Монтага и из-за оползня, сошедшего в дневном переходе от перевала. После — дорога стала непроходима для подвод и фургонов.

Бастион Капель — замшелая квадратная башня с участком зубчатой стены — потерял свое стратегическое значение с тех пор, как поток странников почти иссяк, и через высокие ворота, большинство дней открытые, проходили лишь пастухи, перегонявшие стада на луга. Охраны здесь тоже теперь

было мало. Дозор тихий, спокойный, сонный и совершенно не прибыльный.

— Вы выдержите, ваша светлость? — негромко спросил Тарик, приблизив к ней коня.

Захира чуть склонила голову. Она выдержала гибель сыновей. Смерть мужа. Потерю власти и будущего. Выдержит и то, что произошло несколько часов назад.

Иного выбора все равно нет.

Ее лицо было скрыто шалью, на карифский манер. Одежду она сменила. На ту, что не подобает герцогине, но вполне подходит для жены богатого купца, потерявшего все из-за того, что случилось в стране, и теперь стремившегося поскорее ее покинуть вместе со своей добросердечной супругой. Ее платье, плащ, ботинки были грязными и пропылившимися, словно они ехали несколько дней, а не часов.

Ворота бастиона оказались распахнуты и ярко освещены — в металлических корзинах горело высокое пламя. Оранжевое, по счастью.

Они подъехали, сдерживая лошадей, и остановились в квадратном дворе с утрамбованной землей, где спали собаки и стояли перевернутые вверх дном бочки. Захира насчитала четверых воинов. Но через минуту из караулки появился еще один, а затем она заметила на стене движение. Там тоже кто-то был.

Герцогиня, чуть опустив глаза, рассматривала их. Одеты кто во что горазд. Почти нет кольчуг, один так и вовсе без оружия. Больше похожи на разбойников, которые не мылись неделями, чем на тех, кто сражался под знаменами ее мужа.

Тощий пожилой воин в шлеме, сдвинутом на затылок, осмотрел их внимательно и улыбнулся, сверкнув неожиданно белыми и ровными зубами.

— Почтенный господин Ульмар, мы уже решили, что вы передумали.

— Сержант Верд. — Тарик кивнул ему со всем дружелюбием. — Моя жена не привыкла ездить верхом, пришлось быть осторожными на ночной дороге.

Солдат с сочувствием покивал, и в это время к нему подошли еще двое. Один ел земляные орехи, даже не глядя на приехавших, ломал скорлупу грязными пальцами, закидывал в щель, открывавшуюся в бороде, другой почесывал большое родимое пятно на правой щеке.

— У вас не так уж и много вещей, — сказал тот, что с родинкой. — Тяжелые времена?

— У всех они такие, — промолвил Тарик. — Наше соглашение в силе?

— Вы платите остаток и уезжаете. — Сержант протянул руку, и карифец отстегнул от седла тяжелую сумку.

— Ого, — промолвил воин, едва ее не уронив. — Надеюсь, там марки, а не камни. Эгей, ребята. Проверьте-ка.

Воин бросил земляные орехи, оттащил сумку к огню, начал расстегивать кожаные ремни, а Родинка взял под уздцы лошадь Захиры.

— Разве у нас проблемы? — нахмурился Тарик.

— Нет. Но мы должны пересчитать каждую марку. Договор есть договор. Лучше вам спешиться, потребуется немало времени.

— Мы торопимся, хотим спуститься с перевала к рассвету.

— Дорога опасная и каменистая. Внизу будете только к середине дня. Нет смысла нестись.

Сержант повернулся к ним спиной, словно дело уже было решенное.

— Отпусти их, — произнес голос со стены.

— Лейтенант? — Сержант тут же вскинул голову.

— Туча, деньги на месте? — Вниз по лестнице спускался усатый воин в кольчуге и при мече.

— Очень много денег, командир, — сказал бородатый пожиратель орехов, не отрывавший замороженного взгляда от содержимого сумки. — Правда, считать не умею. Там все?

Бойцы посмотрели на Тарика.

— Там все, — твердо ответил тот. — Слишком многое поставлено, чтобы лгать из-за нескольких монет.

Послышался шум, и у Захиры внутри все похолодело.

Приближался конный отряд.

Лейтенант остро взглянул на Тарика:

— Слезайте с лошадей и не привлекайте внимания.

Они едва успели это сделать, а солдат — отвести лошадей подальше, за узкую, покосившуюся на один бок караулку, когда пятнадцать вооруженных всадников в белых плащах с вышитым на них водоворотом влетели во двор.

Захира не знала, что это за отряд, видела лишь, что не гвардейцы. У всех мечи, но кольчуги отсутствуют, не говоря уже о более тяжелых доспехах.

— Кто старший в гарнизоне? — спросил крепыш в высокой войлочной шляпе с длинным пестрым пером. — У меня приказ за подписью капитана.

Лейтенант молча протянул руку и взял у вновь прибывшего сложенный в несколько раз лист плотной бумаги.

— Свет, — буркнул он солдату. Поднесли фонарь, лейтенант пробежал глазами по строчкам, проверил печать. — Вы из «Снежных медведей»?

— Да. Мы усиливаем бастион, и вы переходите под мое командование.

— Я умею читать, — возвращая документ, сухо ответил лейтенант, имени которого Захира так и не узнала. — Что-то называет?

— Все проходы к Эшандану должны быть закрыты на случай атаки мятежников.

Лейтенант с сомнением выпятил губу, рассматривая усиление. Было понятно, что, по его мнению, пятнадцать человек погоды не сделают.

— Ну... господин Такве, — сказал бывший командир гарнизона, стараясь не показывать, сколь он взбешен этим внезапным назначением неизвестного ему офицера. — Принимайте командование и располагайтесь.

Люди стали выбираться из седел, и тут коренастый заметил Захиру, сидевшую возле мшистой стены, и стоявшего с ней Тарика.

— Лейтенант, — сказал он, не скрывая ноток гнева. — Что здесь делают посторонние?

— Они не знали, что дорога закрыта.

— Откуда вы?

— Я Ульмар аш Нарди, уважаемый, — поклонился Тарик. — Торговец.

— Чем же ты торгуешь? — От Такве не укрылся кривой клинок, висевший на поясе карифца.

— Торговал, уважаемый. Моя лавка и склады с товаром сгорели во время беспорядков в Бозне, когда сторонники Шестерых дрались со почитателями Вэйрэна. Дело уничтожено. Теперь мы решили отправиться домой, обратно в Эльган.

— Печально слышать.

— Товар и деньги это всего лишь товар и деньги. Главное, что мы живы.

— Вы не проедете этой дорогой.

— Мы знаем. Добрый господин лейтенант позволил нам дожждаться рассвета, чтобы отправиться обратно к Шаруду, а после искать иной путь к границам.

— Нельзя убежать от веры Темного Наездника, карифец.

Тарик чуть склонил голову, показывая, что не намеревается спорить:

— Возможно, добрый господин. Но мы бежим не от нее, а от войны.

— Война когда-нибудь закончится.

— Надеюсь на это.

— Твоя жена необычно молчалива. — Его глаза скользнули по Захире, прячущей лицо.

— Недостойно женщине говорить без позволения мужа, — ответила она. — Еще более недостойно прерывать его, когда он говорит все правильно.

Господин Такве чуть улыбнулся.

— Что же. Оставайтесь до рассвета. Я могу выделить вам в сопровождение двух человек, чтобы они довели вас до Шаруда. На дорогах сейчас много разбойников.

Тарик еще раз поклонился. Захира чуть прикусила губу, понимая, что этой дорогой им теперь не пройти.

Бородатый пожиратель орехов, держа матерчатую сумку за лямку, неспешно отступал к казарме. Он бы не привлек внимания, если бы сумка не зацепилась за торчащую из стены сарая ржавую полосу металла. Казавшаяся такой плотной ткань затрещала, а затем раздался звон.

В следующую секунду кто-то оторопело, а кто-то пораженно смотрел на то, как из дыры в сумке веселым узким звенящим ручейком текут на землю золотые марки и бледно поскверкивающие в свете факелов драгоценные камни.

Первым опомнился лейтенант. Сделав широкий шаг за спину господина Такве, он широким щедрым движением вскрыл тому горло и взревел, призывая своих солдат:

— Руби!

Люди лейтенанта, несмотря на расхлябанный вид, оказались куда лучше подготовлены, чем белоплащники. Они словно ждали приказа и держали оружие наготове.

Прежде чем «гости» опомнились, их стало уже не пятнадцать, а одиннадцать. Но на их стороне все еще оставался серьезный перевес.

Полутемный двор взорвался криками и звоном металла. Воины сцепились друг с другом, в небо, чуть ли не к звездам, ударил черный фонтан, отлетела чья-то голова и покатилась под копыта коней.

Обезумевшие от шума, воплей и крови пятнадцать лошадей, которые, как оказалось, совсем не обучены для сражений, внесли в происходящее полнейший хаос. Несколько человек они сбили с ног, одного неудачника затоптали так, что он теперь лежал, едва шевелясь. Затем большинство устремилось в распахнутые ворота, подальше от смертоубийства.

Захира не успевала следить за тем, что происходит. Перевес белых плащей наконец-то начал играть им на руку, и они стали теснить солдат лейтенанта к караулке.

Тарик не вмешивался. Он не собирался помогать ни той, ни другой стороне и просто встал чуть впереди герцогини, закрывая ее от возможной опасности, небрежно положив ладонь на рукоять меча. Стоял и равнодушно смотрел, как убивают друг друга.

Прошло не больше минуты с начала схватки, но Захира уже была уверена, что люди лейтенанта проиграют, их осталось четверо против восьми, когда со стены полетели редкие, но очень точные стрелы.

Как выяснилось, там все это время находился еще один солдат гарнизона.

Воин-белоплащик в оранжевом щегольском берете получил стрелу в щеку, она прошла навывлет и вышла из шеи. Он упал под ноги товарищу, тот споткнулся, стал заваливаться вперед, отчаянно пытаясь сохранить равновесие, и мощный удар секиры снес ему половину черепа.

Следующая стрела вошла в плечо самому здоровому из «Снежных медведей», тому, кто убил двух солдат лейтенанта. Он повернулся, удивленно задрал голову и поймал еще одну в живот — но все равно остался на ногах.

Брошенный Тучей метательный топорик врезался здоровяку в подбородок, разрубая челюсть и зубы. Тот крутанулся, и третья стрела, в шею, наконец-то заставила его рухнуть на колени.

Прибывшие, теряя бойцов, начали отступать к воротам, затем побежали, но оставшиеся люди лейтенанта догнали их

и доби́ли. Последний полз, цепляясь пальцами за землю, подтягиваясь на руках из-за перебитой спины.

Сержант Верд, на левой руке которого теперь не хватало двух пальцев, несмотря на ранение, схватил ползущего за уже не такой белый плащ, дернул на себя и по рукоятку погрузил кинжал в бок противника.

Пожилой лучник в черной рубахе навывпуск и с растрепанными, тронутыми сединой волосами спустился вниз, присоединившись к трем товарищам, обходившим двор и отправлявшим на ту сторону тех, кто все еще дышал.

Последний солдат из подчиненных лейтенанта сидел у стены, прижимая руки к груди, и дышал неглубоко, со свистом. Рана не казалась опасной, но Захира подозревала, что уже через полчаса из охраны бастиона останется лишь четверо.

— Хрена ты так возился?! — зарычал на лучника сержант, перевязывая раненую руку обрывком чужого плаща.

— Молодец, Головешка, — сказал лейтенант. — Без тебя нас бы тут и закопали. Туча, ты криворукий полудурок. Чего уж проще — унести сумку. Ты бы ее еще ножом распорол перед герцогом.

— Прости, командир, — сказал бородатый, вытаскивая из кармана орех и ломая мягкую скорлупу дрожащими окровавленными пальцами. — Чего-то как-то не мой день.

— Это ты иди Веселому скажи. — Лейтенант мотнул головой в сторону раненного в легкое. — Могли бы помочь, почтенный Ульмар, чем стоять.

— Я торговец, а не воин. И моя задача защищать жену.

Лейтенант молчал, глядя на него, окровавленный меч в руке смотрел в землю.

— Хорошая задача, — наконец произнес он, сунул клинок в руку воина с родимым пятном, буркнув: — Оботри.

— Мы в расчете, уважаемый? — негромко поинтересовался карифец.

— Мое дело, конечно, маленькое. — Сержант задумчиво рассматривал намакающую кровью повязку на искалеченной руке.

— Давай уже, — поторопил его командир.

— Ну, как бы... Это... Мы тут испачкали немного. Может, уж испачкать до конца и забыть навсегда?

Повисла зловещая тишина. На тетиве у лучника как бы невзначай оказалась стрела. Лейтенант думал.

— Не стоит, — произнесла Захира, и все, кроме телохранителя, повернули головы в ее сторону. — Как тебя зовут, командир?

— Имеет ли это значение для тебя? — усмехнулся лейтенант, но все же произнес: — Иверэс.

— Вас пятеро, хотя, полагаю, скоро будет четверо. Для четверых то, что рассыпано на земле, это много. Очень много.

— Мы и без тебя это знаем, женщина, — осклабился сержант. — Как это решает нашу проблему?

— Нет проблемы. Отряд уничтожен, и скрыть это никак не получится. Через несколько часов найдут сбежавших лошадей, поэтому какую бы сказку вы ни придумали, вопросов зададут много. Вам надо уезжать. С этими деньгами можно начать новую жизнь. Наши смерти ничего не изменят.

— Резонно, — согласился Иверэс. — И все же одно дело, когда ищут солдат, а другое, когда солдат с деньгами. Если вас поймают раньше и вы заговорите... так что дай мне повод отпустить вас.

— Верность нашему договору? — Захира улыбнулась, увидев улыбку командира. — Да. Я знаю, что верность сейчас не в чести среди солдат Горного герцогства. Покажи им, Тарик.

Карифец неохотно закатал левый рукав, открывая татуировку в виде красного карпа.

Она произвела должный эффект.

— Четверо против одного, — мягко сказала Захира. — Но думаю, что он справится. И с лучником. Да, Тарик?

— Приложу все усилия.

Захира негромко рассмеялась, наконец встав на ноги.

— Я вижу, о чем ты думаешь, лейтенант Иверэс. Много ума не надо, чтобы сложить два и два. Ты знаешь, кого охранял карифец с татуировкой мастера меча, и теперь решаешь, как поступить.

— Отправить вас назад, — хриплым голосом ответил тот.

— Если Тарик позволит. Оставить нас вместе с ними? — Она кивнула на тела. — Если Тарик позволит. Но, случись такое, вас станут очень-очень хорошо искать. Вы уже будете не дезертирами и предателями. Убийцами матери правителя. Так что же нам остается?

— Проявить верность нашему договору, ваша светлость, — наконец сказал командир.

Виски ломило, и почти минуту Захира смотрела прямо перед собой, совершенно не понимая, где она находится и что видит.

Два перекрестья. Одно над другим, вращались слева направо. Нижний крест едва двигался, второй, все еще закрытый строительными лесами, крутился в три раза быстрее. Оба тянули за собой... мир? Небо? Потолок?

По потолку ползли холодные, колючие, злые на всех, незнакомые звезды. Но самым страшным был месяц. Остророгий, ярко-алый, словно бы умытый кровью. Казалось, он падает, летит прямо на Захиру и только благодаря перекрестным балкам-клеткам не может рухнуть и раздавить ее.

Через несколько секунд она не выдержала и отвела от него глаза, борясь с тошнотой. То ли из-за внезапно нахлынувшего головокружения, то ли из-за страха.

Села на одеяле, которое было брошено на пол, и осмотрелась. Комната вся состояла из острых граней. Камень словно расплавили, а после он застыл бритвами углов, шипов и торчащих во все стороны плоскостей, правильной симметричной геометрии которых позавидовали бы ученые Каренского университета.

Странно и совершенно... нечеловечески. Такое может придумать лишь безумец или... сон.

Она спит?

Хмурясь, Захира попыталась вернуться к последнему, что помнила.

Рассвет над еловой горной грядой, каменистая сыпучая тропа, на которой лошадей требовалось вести под уздцы, карканье воронья, их тени, скользящие в небе...

Что же произошло?..

Герцогиня вновь глянула на ползущий потолок, но летящий кровавый месяц не давал никаких ответов. Она встала, решив подойти к стрельчатому резному окну, чтобы увидеть, где она. Куда принес ее Тарик?

Шум, который звучал за стенами, не смущал, в Горном герцогстве много свирепых рек и мощных водопадов, но, встав возле окна, она так вцепилась руками в стену, что сорвала ноготь, даже не почувствовав боли.

Брюллендефоссен находился под ней, переваливаясь через край и ныряя в бездонную пропасть долины Шаруда. А прямо напротив высилась темная, зловещая, резавшая мир своими странными гранями башня — Калав-им-тарк.

И не возникало сомнения, где сейчас находится Захира. В другой башне, напротив. В той, куда когда-то пришел Тион, которая была разрушена и теперь восстановлена.

Разочарование. Вот что она ощутила сейчас. Понимала, что это не сон и все сделанное в последние месяцы оказалось зря. Ее все же нашли и поймали.

— А как ты думала? — раздался негромкий голос.

Герцогиня еще несколько мгновений смотрела в окно, где мрачная громада, высившаяся над водопадом, казалось, даже яркий день делала бледнее, затем обернулась. Рукавичка с волосами, убранными под платок, в черной повязке, закрывавшей глаза, сидела на ее лежанке.

— Выглядишь куда хуже, чем прежде, — наконец произнесла Захира. — Я рада.

Это действительно было так. Красота Рукавички увядала. Кожа на черепе натянулась так, что того и гляди ее проткнут скулы, появились пятна, губы шелушились, а волосы стали куда более редкими.

Она едва расслышала тихое шипение. Но голос гостьи остался таким же ровным и дружелюбным:

— Я осознавала последствия выбора. Это того стоило.

— Кем она была? — Герцогине очень хотелось подойти поближе и убить эту гадину, но женщине прекрасно было известно, что ничего не выйдет.

— Не понимаю, о чем ты.

— Та, что стала твоим вместилищем, шаутт.

Рукавичка не стала отрицать ее догадку.

— Тебе и вправду есть до нее дело?

— Нет, — призналась Захира. — Хотя ее немного жаль.

— Пожалела бы себя.

— О. Я уже прошла этот этап.

Смешок.

— Неплохо. Думал, ты вцепишься мне в глаза. Ах да. Их же пришлось вырезать. Ну, не важно.

— Что с моим слугой?

— Не интересуюсь мясом, если оно не нужно для пользы дела.

Он мог лгать. Или действительно не знать, если ее принес обратно кто-то из других шауттов. Захира мысленно попрощалась с телохранителем. Надеялась, что он ее не предал.

— Выходит, я нужна для пользы. — Герцогиня рассеянно потрогала большой палец, на котором все еще оставалось ее кольцо. — Зачем?

Шаутт мотнул головой в сторону выхода:

— Спроси сама.

Наконец-то ее спокойствие дало трещину, и черты исказились от боли. Эрего стоял у входа в зал, спокойно глядя на нее.

Он вырос за те месяцы, что она не видела его. Вытянулся и окреп, и меч на поясе уже не казался ему велик. Такое знакомое лицо, с течением времени все больше похожее на лицо ее мужа.

— Мать, — поприветствовал ее Эрего, чуть склонив голову.

Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы посмотреть ему в глаза. Холодные и совершенно чужие.

— Я не твоя мать, кем бы ты ни был.

— Можешь не верить, но мне жаль, — сказал тот, кто теперь был владельцем Горного герцогства.

— Твоя жалость никак мне не поможет, чужак. — Она отвернулась к окну, родной и в то же время незнакомый образ доставлял ей боль. — Выходит, предсказание для этой семьи оказалось верным. Один из да Монтагов всегда должен оставаться в Шаруде, иначе род потеряет право на власть. Когда пришла Рукавичка, мы нарушили правило. Столицу покинули и муж, и сын. Вот результат. Никого не осталось. Лишь чудовище с той стороны.

— Ты просто хочешь верить в пророчества, — произнес незнакомец. — И я не чудовище.

— Ну тогда посмотри в окно. Пройдись по столице. Отправься на восток или запад. Загляни на юг, где ты ведешь войну. Послушай, что говорят на севере. Тысячи уже погибли, и десятки тысяч даже не знают о том, что их ждет смерть в ближайшее время. Так поступают чудовища.

— Так поступают люди, — последовал спокойный ответ. — Войны были и до меня. И гибли десятки тысяч. Даже сотни. И все пролили много крови: некроманты, таувины, короли, доблестные воины, изменники, мерзавцы, герои и прекрас-

ные девы. Этими смертями можно выложить лестницу в небо и подняться так высоко, что уже и забудешь, как выглядел наш мир. А уж если мы с тобой вспомним волшебников. Впрочем... хочешь считать меня чудовищем, считай.

— Зачем все это?

Рукавичка негромко хмыкнула за спиной, но Эрего ответил. Захира слышала, что он подошел близко, так, что, если обернуться, можно коснуться его щеки.

— Ни одно поле не может быть плодородным вечно. Время пшеницы проходит, и начинают расти лишь сорняки. Из года в год. Из века в век. Тысячелетие за тысячелетием. Они все больше, все выше, все опаснее, и их яд проникает в самую ткань бытия.

— Опаснее для тебя? Или демонов?

— Для мира, — мягко ответили ей. — И, чтобы избавиться от сорняков, поле следует поджечь, а после, когда пожар стихнет и оно остынет, вспахать, удобрить, засеять, полить и ждать всходов.

— Пшеница выйдет со вкусом крови.

— У нее всегда вкус крови. Просто мы не желаем его ощущать.

— Уничтожить память о прошлом, чтобы создать новое будущее, — усмехнулась Захира. — Мой дед говорил то же самое. Уничтожить Дагевар, чтобы Кариф стал более велик. У него не получилось, не получится и у тебя.

— У меня не получалось, — согласился Эрего. — Не раз. И не два. Может, не выйдет и теперь. Неудача — это лишь способ оценить свои ошибки и сделать чуть по-другому. Но сейчас все сложится как надо.

— Кто ты?

Ее вопрос, казалось, удивил его.

— Я? Осколок. Фрагмент. Который пытается обновить поле и дать всем то, что утрачено.

— А эти твари?

— Они мой огонь. Знаешь, что здесь было «до»?

— До чего? — Ей не хотелось продолжать разговор.

— До всего. До замка твоего мужа. До Катаклизма. До Калав-им-тарка. До того как бледные равнины Даула скрылись в море. Изначально. Именно здесь, на этом самом месте, Шестеро открыли дорогу на ту сторону. Здесь все когда-то началось, здесь все и закончится.

— Мне все равно, незнакомец. Для меня все давно уже закончилось. Зачем я тебе?

— Посмотри на меня. Посмотри! — Теперь в голосе звучал приказ, и она подчинилась против своей воли. И ей не понравилось, сколь легко и просто это произошло. — Ты напишешь брату, моему любезному дяде, письмо.

Ее поразила эта просьба, но она нашла в себе силы устало покачать головой:

— Нет.

— Я не прошу. Ты напишешь.

— Нет. Не напишу. И ты не сможешь меня убедить. Или заставить.

— Я могу написать и за тебя, — пригрозила Рукавичка и замолчала, стоило лишь Эрего раздраженно дернуть плечом.

— Напишешь и сообщишь, что соскучилась по родине и желаешь приехать.

— И что потом? Привести во дворец еще одного шаутта? — горько поинтересовалась Захира.

— Принести слово Вэйрэна и сражаться с демонами, разумеется. Как мать истинного асторэ, ты способна на это.

Она ощутила в словах незнакомца улыбку.

— Полагаю, шауттами и победами над ними я буду обеспечена. Во славу Вэйрэна. — Эти слова герцогиня произнесла с ненавистью, но ответ последовал спокойный и чуть насмешливый:

— Без сомнения.

— Ты болен, тварь, если считаешь, что я соглашусь стать твоей очередной проповедницей. Я не принесу на свою родину семя смерти. Найди кого-нибудь другого.

— У другого нет крови Стилета Пустыни. За ним не пойдут.

— Прекрасно. Значит, люди не станут убивать друг друга, превращаться в тварей, и синий огонь не захватит оазисы и караванные пути.

— А еще ты посетишь коллекцию, которую твоя семья собирает много лет. Ту, куда мало кого пускают, если в нем не течет ваша... хм... наша славная кровь.

— Отправь туда шаутта. Мне все равно.

— Я отправляю тебя, ибо не все подвластно лунным людям. Ты найдешь среди вещей старый большой желудь и за-

берешь его. Отдашь человеку, который придет в нужное время.

— И снова нет.

— Ты спешишь отказаться, не зная, какую плату я тебе предлагаю.

Она наконец-то посмотрела на него, со смесью презрения и ненависти:

— У тебя нет ничего, что заставит меня передумать.

— И даже твой сын? Когда поле будет выжжено и прополото, мне не понадобится больше быть здесь. Я отдам его тебе.

Из ее глаз текли злые слезы.

— Отдашь мне мою кровь? Мою плоть? Последнего из да Монтагов? В обмен на целую страну, которую моя же кровь, мои же предки поднимали из песков Катаклизма. Руками, ломая ногти, рыли оазисы. Строили государство. Ты вправду считаешь, что один человек, даже если это мой сын, достоин такой жертвы? Потери Карифа? Темной веры и темных лет? — Она наклонилась ближе, к знакомому чужому лицу, и ее голос теперь едва шептал, но ни от кого не скрылась угроза: — Ты правда считаешь, что из-за жалкой подачки, обещания, которое ты не исполнишь, я принесу мрак на родину? После того, что шаутты сделали тут, тварь? Я потомок Халита Аль-Даби, Второго клинка Гвинта. Мой дед Стилет Пустыни. Я не заключаю сделок с демонами. Моя верность Карифу сильнее моей верности даже сыну.

Эрего усмехнулся. Было понятно, что время переговоров закончилось:

— Я заставлю тебя. Так или иначе.

Она провернула кольцо на большом пальце левой руки, и раздался щелчок.

Эрего отшатнулся, Рукавичка совершенно не по-человечески вскочила на ноги, но не успела помешать Захире да Монтаг.

Маленький плоский клинок, величиной с ноготь, выбросила из кольца пружина, и женщина провела им себе по горлу.

Быстро и решительно.

Рукавичка подскочила, хрустнула кость в сломанной руке. Захира, чувствуя, как горячее течет у нее по шее, хотела плю-

нуть в ненавистное слепое лицо, но подавилась кровью, захлебнулась и, чувствуя слабость в ногах, осторожно села прямо на пол.

Больше она не смотрела на них. Лишь на крутящиеся над головой балки и кроваво-алый месяц, который ее теперь не пугал.

— Нашему соглашению уже много лет. — Эрего смотрел на мертвую женщину с бледным спокойным лицом.

— Все так. — Ноздри Рукавички трепетали от тяжелого запаха крови, разлившегося по всему помещению.

— Ты мог ее остановить.

— Такое в соглашение не входит. Я не обязан спасать каждого, кто хочет отправиться на ту сторону. Смерть ей была дороже. Не желал отнимать у госпожи столь сладкую вещь... и лишать себя завтрака.

— Это тело меняет тебя. Ты становишься другим.

— Больным. Оболочка недотаувина хуже ядовитой рубашки.

— Ты сам выбрал.

— Чтобы у тебя была эта, — плотоядно усмехнулась Рукавичка. — И как тебе? Лучше старика или асторэ?

Вопрос был проигнорирован.

— Найди того, кто отправится в Эльват и разберется с жельдем. И... твои братья допускают ошибки.

— Мы не всесильны.

— Девчонку унесли.

— И ладно. Мы знаем, где она. Пусть. Когда потребуется, вернем. Зато лес эйвов уничтожен, как и было задумано.

— Желудь...

— Дался тебе этот пережиток прошлого.

— В Пубире вас постигла неудача. И один волшебник жив, его клинок опасен для тебя. А значит, и меня. Вы не нашли его до сих пор.

— Мы ищем.

— Как и таувина из Пубира? — Усмешка. — Поле не выжжено. Таувин и волшебник все меняют. Ищите лучше.

— А то поле не даст новые всходы. Я помню.

— Помни. — Эрего посмотрел на тело Захиры да Монтаг. — Ты не тронешь ее плоть.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эпохи

- Первая эпоха — Эпоха Безвременья
- Вторая эпоха — Эпоха Рождения
- Третья эпоха — Эпоха Света
- Четвертая эпоха — Эпоха Процветания
- Пятая эпоха — Эпоха Забвения

Названия месяцев

- Месяц Ворона — первый месяц зимы.
- Месяц Мантикоры — второй месяц зимы.
- Месяц Снегиря — третий месяц зимы.
- Месяц Креста — первый месяц весны.
- Месяц Единорога — второй месяц весны.
- Месяц Соловья — третий месяц весны.
- Месяц Щита — первый месяц лета.
- Месяц Тени — второй месяц лета.
- Месяц Дракона — третий месяц лета.
- Месяц Журавля — первый месяц осени.
- Месяц Меча — второй месяц осени.
- Месяц Василиска — третий месяц осени.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая.</i> Верность	5
<i>Глава вторая.</i> Голоса	36
<i>Глава третья.</i> Выбор некроманта	50
<i>Глава четвертая.</i> Облако	77
<i>Глава пятая.</i> Город мечты и желчи	109
<i>Глава шестая.</i> Рыжая и остальные	130
<i>Глава седьмая.</i> Встречи на дороге	144
<i>Глава восьмая.</i> Встречи и открытия	171
<i>Глава девятая.</i> Щит Мальта	198
<i>Глава десятая.</i> Вкус тумана	223
<i>Глава одиннадцатая.</i> Мелочи	249
<i>Глава двенадцатая.</i> Откровения	270
<i>Глава тринадцатая.</i> Спящая	303
<i>Глава четырнадцатая.</i> Аб сионта!	331
<i>Глава пятнадцатая.</i> Огни фестиваля	354
<i>Глава шестнадцатая.</i> Та, кто разорвет старый мир и соберет его заново	372
 Приложение	
Эпохи	407
Названия месяцев	407